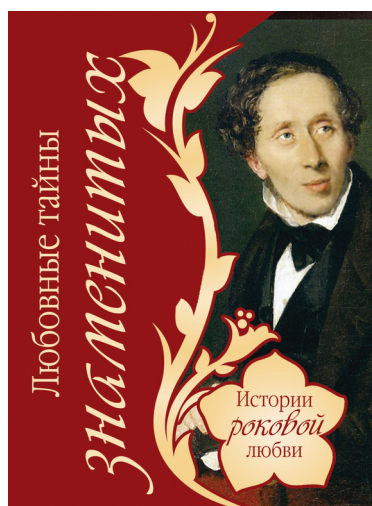

Василий Владимирович Веденеев
Любовные тайны знаменитых
Серия «Истории роковой любви»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654822
Любовные тайны знаменитых: Вече; М.; 2010
ISBN 978-5-9533-4627-6, 978-5-4444-7868-4

Аннотация

Интерес к романам и любовным интригам мировых знаменитостей непреходящ во все времена. Имена их не сходят со страниц глянцевого журналов, а писатели делают их героями своих романов. И хотя жизнь звезд шоу-бизнеса и других публичных людей происходит «на виду», многое в ней окутано покровом таинственности. Например, знаменитый фантастический прыжок Вацлава Нижинского связывают с магическими талисманами, подаренными ему многочисленными любовниками и любовницами, а неистовому в любви и работе Пабло Пикассо удавалось делать так, что все приглянувшиеся ему женщины желали только его...

Содержание

Похищение Мадонны	5
Женский монастырь в Прато	6
Модель	7
Побег и свобода	9
Царица куртизанок	11
Таинственная встреча	12
Любовь, любовь, любовь...	13
«Если бы я знала, как все кончится...»	15
Червонная дама корсара Леграна	16
Пророчество за карточным столом	17
Дочь губернатора	18
Парадный портрет	20
Божественный эликсир	22
Монастырь Санта-Мария-Новелла	23
Необычайные похождения старого садовника	25
Вода и решетки	27
Ее всегда тянуло на «сладенькое»	29
Поиски абсолютной любви	30
В погоне за идеалом	32
Старость	34
Неутомимый охотник	35
Первые победы	36
Салон привидения	37
«Я бросаю матерей, но не детей!»	38
Хочу быть пьян твоей любовью	40
Крибле, крабле... бумс!	42
«Мышиная свадьба»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Василий Владимирович Веденеев

Любовные тайны знаменитых

© Веденеев В.В., наследники, 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Похищение Мадонны

Во всех энциклопедиях, посвященных искусству мастеров эпохи Возрождения, имя фра Филиппо Липпи, он же Филиппо ди Томазо (1406–1469), неизменно занимает одно из самых почетных мест. Выдающийся живописец из Флоренции писал картины на религиозные сюжеты – впрочем, тогда для художников, особенно духовного звания, практически не существовало иных сюжетов, кроме религиозных. На полотнах Липпи перед зрителями представляли Мадонны с необычайно одухотворенными лицами.

– Обратите внимание, Липпи всегда удается соединить, казалось бы, совершенно несовместимое, – сказал однажды о живописце сам папа Пий II. – Его Мадонны создают благочестивое настроение при большом реализме техники и колорите жизни. Он пишет живых, страстных женщин, но... они у него святые!

Особенно высоко римская курия ценила фрески Липпи в соборе Прато в Смолетто, изображающие житие святого Стефана.

Маэстро Липпи являлся монахом, что не мешало ему прослыть одним из самых галантных кавалеров и страстных любовников. И вот однажды его настигла страсть, с которой он не сумел совладать...

Женский монастырь в Прато

Знаменитый флорентийский живописец Филиппо Липпи приехал в женский монастырь Санта-Мargarита, стоявший в городе Прато, ранним летним утром 1456 г. Прославленного мастера кисти, широко известного не только по всей Италии, но и далеко за ее пределами, встречала сама мать-настоятельница монастыря, прятаясь от подкрадывавшегося зноя под куском полотна, которое, растянув, держали над ней две молодые послушницы.

Настоятельница пребывала в отличном расположении духа, несказанно довольная тем, что великий маэстро, которого так ценил сам папа, согласился написать лик Мадонны для алтаря монастырской капеллы. О подобной удаче – заполучить самого Липпи! – можно только мечтать.

К немалому удивлению матери-настоятельницы, ничего ранее не знавшей о знаменитом мастере кисти, тот оказался... кармелитским монахом в возрасте примерно около пятидесяти лет. Однако фра Липпи выглядел значительно моложе своих лет, был очень подвижен и энергичен. С его румяных губ то и дело слетали остроумные шутки и тонкие, порой весьма двусмысленные, замечания. Вскоре мать-настоятельница была совершенно очарована гостем.

– Мы отвели вам самую удобную келью и приготовили место для работы, где никто не посмеет вас беспокоить, – сияя от удовольствия, что ей все так прекрасно удалось устроить, сообщила дорогому гостю мать-настоятельница. И, доверительно понизив голос, добавила: – У нас прекрасная кухня, просто отменная, и даже есть свой неплохой винный погребок.

– Прекрасно, матушка, – оживленно потер руки художник. – Пожалуй, сегодня я отведаю, каково качество вашей стряпни и воздам должное винам из погребка, а завтра с утра осмотрю капеллу и, отдохнув с дороги, помолясь, начну работать.

– Как вам угодно, – поклонилась настоятельница.

Она лично с почтением проводила маэстро до дверей отведенной ему кельи и отправилась к себе, переполненная светлой радостью. Наконец-то ее заветная мечта сбылась! Сам учитель уже признанного великим маэстро Боттичелли напишет для капеллы их монастыря лик Мадонны с Младенцем. Нет никаких сомнений, что работа Липпи привлечет в монастырь новый поток паломников и молящихся, а также упрочит в вере жителей Прато. Следовательно, серьезно возрастут и доходы монастыря.

На следующий день художник осмотрел капеллу, отдохнул и приступил к работе. Мать-настоятельница не могла нарадоваться: художник не покладая рук напряженно трудился с раннего утра до позднего вечера. Он даже потребовал, чтобы обед и ужин приносили к нему прямо в мастерскую, дабы не терять зря драгоценного времени на посещение трапезной. Такими стараниями прославленного мастера настоятельница осталась весьма довольна. Но однажды утром Липпи пришел к ней с озабоченным видом.

Модель

Аббатиса приняла его ласково и уважительно. Видя хмурое лицо маэстро, она поспешила поинтересоваться:

– Что-нибудь не так? Что стряслось, уважаемый мастер, чем вы недовольны или обеспокоены?

– Возникли некоторые сложности в работе, – глядя в открытое окно на проходивших по двору монахинь, мрачно сообщил фра Филиппа.

– Сложности? – Мать-настоятельница даже задохнулась от волнения и прижала руки к пышной груди, стараясь утихомирить бешено забившееся сердце.

Боже, неужели ее заветной мечте не суждено сбыться, неужели в капелле монастыря Санта-Маргарита не воссияет написанный знаменитым мастером лик Пресвятой Девы?! Нет, это просто выше ее сил и такого допустить ни в коем случае нельзя. Опять же, как доходы монастыря возрастут без новой Мадонны?

– Что я должна и могу сделать для вас? – спросила мать-настоятельница, преданно глядя на маэстро.

– Мне нужна натурщица, – развел руками Липпи. – Знаете ли, матушка, довольно трудно рисовать Мадонну, не имея перед глазами живой натуры. Ну, без младенца мы еще как-то обойдемся, но надо бы найти какую-нибудь подходящую монахиню.

– Господи, и только-то? – с явным облегчением рассмеялась настоятельница. – Я даю полное право выбрать в качестве натурщицы любую из монахинь моего монастыря! Все они в полном вашем распоряжении, дорогой маэстро. Надеюсь, вы найдете подходящую модель.

– Отлично, – восхищенно прищелкнул пальцами Липпи. – Но как мы это сделаем и, главное, когда?

– Можно не откладывать, – заверила аббатиса. – Давайте по несколько монахинь приглашать в часовню, а вы выбирайте из них ту, которая придется по вкусу.

– Хорошо, – охотно согласился художник. – Пожалуй, так и поступим. Но учтите: пожилые женщины и старухи для наших целей не подходят.

– Я все понимаю! – благоговейно подняла глаза к потолку кельи настоятельница.

Она действительно выполнила свои обещания, и художник получил возможность придирчиво осмотреть всех молодых монахинь и послушниц монастыря. Свой выбор фра Липпи остановил на юной очаровательной монахине Лукреции Бути, происходившей из состоятельной и добропорядочной семьи. Девушка была молода и очень хороша собой. Над высоким чистым лбом монашки вились светлые волосы, глаза сияли голубыми сапфирами, губы казались спелой малиной, а румянцу могла позавидовать сама заря.

При этом Лукреция обладала прекрасной фигурой, зубы ее сияли, словно перлы океана, а голос звенел колокольчиком. Сколько мужских сердец она могла бы покорить, не находясь взаперти за крепкими стенами монастыря?

– Лучше всех мне подойдет вот эта, – показал на Бути маэстро. – Хорошая модель для работы.

– Рада услужить вам, – поклонилась мастеру настоятельница...

На следующий день, рано утром, Лукреция отправилась уже не на общую молитву с сестрами, а в мастерскую художника, чтобы позировать ему для картины «Мадонна с Младенцем»: так распорядилась сама настоятельница.

Вскоре к дверям мастерской маэстро Липпи стали приносить уже два прибора и две порции завтрака, обеда и ужина. Аббатиса только тихо радовалась:

– Прославленный мастер торопится выполнить наш заказ! Не стоит мешать ему, сестры! Я сурово накажу каждую, кто вздумает подглядывать или подслушивать у дверей!

Конечно, настоятельница прекрасно понимала, почему фра Липпи так торопился. Все предельно просто: деньги! Монастырь платил ему большую сумму за работу, а впереди прославленного маэстро наверняка ждали новые очень выгодные заказы. Вот и весь секрет. Люди алчны, и великие художники тоже совсем не лишены этого земного греха!

Вскоре картина была готова, и, когда Филиппо представил ее обитательницам монастыря, те без особого труда узнали в образе прекрасной Мадонны, державшей на коленях пухлого Младенца Иисуса, знакомые черты Лукреции Бути. У Мадонны были те же большие выразительные глаза, полные ласковой печали, светлые выющиеся локоны и загадочная улыбка на чуть припухших, алых губах.

Казалось, молодая женщина, изображенная на картине, знает нечто, о чем предпочитает умолчать.

– У Мадонны, написанной Липпи, слишком земная и плотская красота, – шептались монашки. – Поглядите: какие чувственные губы! Они словно только и ждут греховного, сладострастного поцелуя!

– М-да, – ошарашенно пробормотала настоятельница. – На картине Лукреция выглядит не как невинная девушка, а как зрелая женщина, познавшая все прелести любви.

Однако картина, как и другие произведения прославленного маэстро, производила на зрителей сильное, неизгладимое впечатление. Признанный мастер кисти, Липпи всегда отличался тонкостью и изяществом рисунка, умело подбирая удивительную гармонию красок. Поэтому настоятельница, не торгуясь, заплатила за работу. Практически немедленно после этого маэстро покинул обитель Санта-Маргарита...

Побег и свобода

Следующий день выдался в монастыре на редкость суматошным: прослышав о новом образе святой Мадонны, написанном самим знаменитым Филиппо Липпи, народ из Прато валом повалил в монастырь, и щедрые пожертвования верующих, к несказанной радости матери-настоятельницы, начали быстро пополнять оскудевшую монастырскую казну.

Свой коварный удар судьба приберегла до теплого тихого вечера, когда усталая, но очень довольная мать-настоятельница отмачивала гудевшие от бесконечной беготни ноги в большой деревянной лохани с прохладной водой, в которую добавили немного винного уксуса. Неожиданно в ее келью без стука вошла одна из старших монахинь и молча распростерлась ниц перед висевшим на стене распятием.

– В чем твой грех, сестра? – лениво и благодушно спросила настоятельница: сегодня выдался удачный денек и ей совсем не хотелось кого-то сурово наказывать. Ведь Господь не зря призывал нас к милосердию.

– У нас случилось большое несчастье! – глухо сказала монахиня.

– Кто-то внезапно умер? – насторожилась аббатиса. – Или паломники передавали друг друга в толпе?

– Нет, матушка. После вечерней молитвы мы нигде не смогли найти сестру Лукрецию.

– Что? – задыхнулась настоятельница, невольно схватившись за грудь. – Что?!

Ее мозг молнией пронзила страшная догадка: Лукреция родом из Флоренции, и художник Липпи тоже! Неужели она сбежала с маэстро? Видно, не зря о нем ходят упорные слухи, что он совсем не промах по женской части? Но она, приглашая его в свою обитель, не хотела в это верить: разве способен ловелас писать такие божественные лики Мадонн? Боже, какой скандал разразится, какой грандиозный скандал!

Мать-настоятельница не ошиблась в своих предположениях – вскоре действительно разразился ужасающий скандал. Как ни старались, скрыть исчезновение из монастыря юной монахини не удалось. И вскоре в обители Санта-Маргарита появился разъяренный, как бешеный бык, примчавшийся из Флоренции отец Лукреции – Франческо Бути.

– Где, где моя дочь? – гремел под сводами монастыря его рассерженный голос. – Что вы сделали с ней?

– Мы ее ищем, синьор, – пыталась успокоить его настоятельница.

– Ищите? – издевательски переспросил Бути. – Вот как?! Я доверил вам самое дорогое, свое дитя, а вы? Вы даже не смогли за стенами монастыря уберечь ее от этого!..

Догнать сбежавших любовников не удалось, хотя за ними отрядили погоню. Сначала Липпи и Бути скрывались во Франции, где маэстро легко находил для себя выгодные заказы, поскольку слава о его уникальной кисти бежала далеко впереди него. Затем Лукреция и Филиппо, который все чаще стал именовать себя не фра Липпи, а синьором ди Томазо, переместились в Швейцарию, где власть католической церкви была значительно слабее.

Синьор Франческо Бути писал дочери полные отчаяния и угроз письма, заклиная ее отрешиться от греховной любви к художнику, который намного старше ее и по сравнению с ее юной красотой просто увядший старик, изрядно потрепанный жизнью.

– Я ни за что не вернусь в монастырь, – дерзко отвечала ему дочь. – Для меня лучше смерть, чем разлука с Филиппо!

– Вернись, – умолял отец.

– Нет, – твердо отвечала дочь.

Настоятельница монастыря Санта-Маргарита из Прато просто боялась показаться на людях, особенно после того, как стало известно, что в 1457 году Лукреция родила сына, которого в честь отца назвали Филиппино. Узнав об этом, папа Пий II – в свое время извест-

ный в миру как Эней Сильвий Пикколомини, блестящий историк и гуманист, – только тонко усмехнулся:

– Чувственный зов плоти для художника часто сильнее веры.

– Это соблазны дьявола, ваше святейшество, – наклонился к креслу, в котором сидел папа, один из кардиналов.

– Его кистью водит сам Бог, а не дьявол, – резко отрезал Пий II, давно очарованный искусством великого живописца, продолжавшего плодотворно работать и после женитьбы.

Спустя несколько лет скандал утих, и вроде бы все стали забывать про Лукрецию и ее знаменитого мужа, но тут Флоренцию и Рим всколыхнуло новое известие: у четы – причем невенчанной! – Липпи родилась дочь, получившая имя Александра.

И тогда художник решился обратиться лично к Папе, умоляя его разрешить ему и его невенчанной жене снять с себя монашеский сан. Небывалый случай, но папа Пий II пошел навстречу мольбам великого художника.

– Полагаю, сутана только сковывает его творчество и мешает счастливой семейной жизни, – мудро решил папа. – Иногда мне кажется, что, уйдя в мир, Филиппо станет только ближе к Богу!

С разрешения Рима Лукреция и Филиппо сняли сутаны и стали мирскими людьми, а заключив официальный брак, они сделали своих детей законнорожденными. Филиппо Липпи ди Томазо написал еще множество дивных картин, а его сын Филиппино, унаследовавший талант отца, сначала был учеником у Сандро Боттичелли, а позднее сам стал знаменитым художником.

Царица куртизанок

Ее считали самой очаровательной, страстной и роковой обольстительницей XVII–XVIII веков. В этом нет никакой ошибки: легендарная красавица Нинон де Ланкло прожила очень долгую жизнь, не переставая и не уставая очаровывать мужчин. С ее красотой связана неразгаданная тайна, о которой она говорила весьма неохотно и только очень близким людям, да и то крайне редко и большей частью малопонятными намеками.

Историки считают: в полном смысле этого слова назвать де Ланкло куртизанкой нельзя – она совершенно не нуждалась в средствах, поскольку происходила из весьма состоятельной дворянской семьи. Наоборот, она сама могла награждать своих возлюбленных золотом и дарила себя и свою любовь только тем мужчинам, которые ей нравились. Роковая красавица Нинон стала одной из первых провозвестниц «свободной любви» и, пожалуй, по оценкам многих экспертов, изучающих Францию времен последних Людовиков, являлась одной из очень немногих женщин своего времени, которые смогли распорядиться собственной жизнью по своему усмотрению.

По отзывам современников, красота великой любовницы была поистине феноменальной: когда ей уже исполнилось семьдесят, из-за нее стрелялись на дуэли и сражались на шпагах молодые мужчины, искавшие расположения дивной обольстительницы. В девяносто Нинон де Ланкло поражала всех свежестью лица и красотой фигуры, которыми она вполне могла соперничать с восемнадцатилетними девушками. Сколько любовников имели счастье обладать роковой Нинон, знала только она одна...

Таинственная встреча

О чем же недомолвками и намеками иногда пыталась поведать своим близким – хотя она никогда не выходила замуж, у нее были дети и даже внуки – неподражаемая Нинон де Ланкло? В частной переписке и мемуарах того времени, буквально по крохам восстанавливая сведения, ряд экспертов нашли необходимые данные и постарались воссоздать поистине таинственную и фантастическую картину.

Известно, что Нинон де Ланкло родилась в 1606 году в знатной и очень богатой дворянской семье. Якобы, когда Нинон была еще совсем маленькой девочкой, в одну из ночей она неожиданно проснулась и увидела у своей постельки странного старика. На нем мерцал расшитый золотыми и серебряными звездами, похожий на черное ночное небо, освещенное слабым отблеском зари, длинный, до пят, наглухо застегнутый широкий плащ. Казалось, он струился, словно вода, переливаясь, как тончайший шелк или сполохи неземного света.

Борода старичка – он маленького роста и скорее походил на гнома – выглядела не просто седой, а снежно-белой. Но глаза его прятались за толстыми стеклами больших круглых очков, и различить их выражение в полумраке спальни никак не удавалось. На голове странного незнакомца красовалась круглая, черная шапочка, украшенная маленьким белым пером.

Нинон хотела криком разбудить няньку, но старичок приложил палец к губам, призывая к молчанию.

– Не бойся, дитя мое, – ласково сказал он девочке. – Я не причиню тебе никакого зла.

– Кто же ты? – заинтересовалась юная особа.

– Для тебя это сейчас не так важно, – уклонился от ответа старичок. – Могу только сказать: я появляюсь на земле один раз в несколько столетий, иногда немного чаще, и всегда посещаю детей. На сей раз выбор пал на тебя, Нинон. Ты хочешь получить от меня такой подарок, какого не получал никто и никогда?

– Что за подарок? – живо спросила девочка, забыв про все свои недавние страхи.

– Выбирай: могу подарить тебе огромную власть, могу дать несметные богатства или долгую жизнь и неувядающую красоту. Что ты предпочтешь?

– Неувядаемую женскую прелесть, – практически не задумываясь, немедленно ответила юная кокетка. – Но непременно вместе со здоровьем и долгими годами!

– Конечно, – улыбнулся старичок. – Я не ждал иного.

Из бесчисленных глубоких складок своего удивительного плаща он достал золотую палочку, легко коснулся ею плеча Нинон и словно растворился во мраке.

Конечно же наутро девочка помнила о странном волшебном сне – или это все же происходило с ней наяву? – но что-то удержало ее от того, чтобы поделиться с окружающими своими удивительными ночными видениями. С того дня Нинон де Ланкло стала просто сиять красотой на удивление всем.

Ей легко давались знания, и она благодаря природному уму и стараниям родителей получила прекрасное домашнее образование. Грациозность, тонкие черты лица и восхитительные формы фигуры Нинон способны были кого угодно свести с ума! Девушка обладала очень приятным голосом, великолепно пела и хорошо играла на лютне, а танцевала так, что невозможно было оторвать от нее глаз. Она буквально завораживала зрителей своими движениями. К тому же она много читала и писала стихи.

– Бог мой! – восклицали знакомые семейства де Ланкло. – Какая дивная красота, какие божественные формы и какие таланты! Ваша Нинон просто королева!..

Любовь, любовь, любовь...

Вскоре молодой и прекрасной дворянке нашелся достойный жених – юный Гаспар де Колиньи, герцог Шатийон, потомок знаменитого адмирала-гугенота, погибшего в Варфоломеевскую ночь. Его род был очень древним и знатным, но... обедневшим. Де Ланкло выразили готовность соединить знатное имя, титулы и древность рода де Колиньи со своими богатствами. Дело дошло уже до помолвки Гаспара и Нинон.

– Герцогиня – это... – и отец невесты, не находя нужных слов для выражения своего восхищения, неопределенно крутил в воздухе рукой: подумать только, его дочь скоро станет герцогиней!

В отличие от пребывавших в эйфории родителей хитроумная красавица решила испытать жениха. Она подарила ошалевшему от счастья Гаспару кошелек, полный золотых монет, и тут же следом за де Колиньи отправила своего доверенного слугу Вскоре тот вернулся и доложил госпоже:

– Мне неудобно говорить, мадемуазель, но господин де Колиньи прямоком отправился к сводникам и нанял коляску с двумя гулящими девицами. Кучер поднял тент, и они поехали.

По воспоминаниям современников де Ланкло, в тот период в Париже распространилась мода заниматься сексом в каретах и колясках. Проститутки поджидали клиентов сидя в экипажах, а сутенером обычно являлся кучер. Знатные дамы отдавались в экипажах своим любовникам и кавалерам, поэтому приглашение прокатиться часто, и не без оснований, рассматривалось как откровенное предложение переспать. Согласие на прогулку в экипаже столь же откровенно давало понять, что дама совсем не против предлагаемых ей кавалером сексуальных развлечений.

– Вот как?! – закусила губку Нинон и приказала больше не принимать герцога. Хотя по меркам той эпохи его поступок не представлял собой ничего из ряда вон выходящего.

– В чем дело? – недоумевал расстроенный отец.

– Я не хочу надевать на себя узы брака, которые кажутся мне непосильными цепями, – дерзко заявила в ответ Нинон. – Женщина благоразумная не избирает себе мужа без согласия рассудка, как любовника без согласия своего сердца!

С тех пор она только сама выбирала себе любовников, но никогда не торговала своим телом! Имея богатство, она относилась к деньгам совершенно равнодушно. Арман дю Плесси, герцог и кардинал Ришелье, знаменитый дамский угодник и ловелас, всесильный министр короля Луи XIII, решил добиться благосклонности удивительной обольстительницы и прислал ей в подарок пятьдесят тысяч золотых!

– Верните эти деньги его преосвященству, – с легкой язвительной усмешкой сказала посланцу министра несравненная красавица. – Они пригодятся государству. А от меня передайте герцогу, что он может не рассчитывать на близость со мной: я отдаюсь, но не продаюсь!

Не привыкшему к подобному вольному отношению всесильному кардиналу пришлось проглотить оскорбление и сделать вид, что ничего не произошло.

Де Ланкло всегда полагала, что истинные женщины чаще всего отдаются мужчинам по некоей прихоти, по капризу. У нее тоже отмечались собственные капризы, которые она предпочитала большей частью держать в тайне: от высшего света трудно что-либо утаить, однако Нинон это с блеском удавалось, и потому имена многих ее любовников так и остались неизвестны историкам. Впрочем, их имен не знали и современники «царицы куртизанок».

Когда каприз обольстительницы проходил и мужчина переставал ее интересовать, она мило и свободно говорила ему об этом, умея сохранить с бывшим возлюбленным прекрасные отношения и счастливо избежать каких-либо обид и ревности. Завидное умение и редкий дар. И никто никогда не посмел упрекнуть ее в распутстве.

– Де Ланкло – великая скромница, – сказал о ней король Луи XIII, чем немало разозлил супругу, знаменитую Анну Австрийскую.

На следующий же день Нинон получила приказ королевы немедленно покинуть Париж и в двадцать четыре часа найти себе пристанище в каком-нибудь монастыре! Королеве надоело без конца слышать о Нинон.

– Передайте ее величеству, – с милой улыбкой ответила де Ланкло, – что я выбираю мужской монастырь, расположенный поближе к столице. Думаю, меня там примут с великой радостью.

Королеве пришлось, как и всесильному герцогу Ришелье, с кислой миной проглотить эту дерзость. Но что поделать: показная скромность являлась еще одним секретом необычайного шарма Нинон.

– Скромность должна быть везде и во всем, – повторяла она. – Без этого важного качества самая красивая женщина непременно возбудит к себе презрение со стороны даже самого снисходительного мужчины.

Конечно же высший свет и королевский двор снисходительностью совсем не отличались. Поразмыслив, «царица куртизанок» решила все же не доводить дело до скандала: завистницы могли склонить королеву к более жестким мерам, а Нинон и так ей достаточно надерзила – стоило ли вступать в борьбу с монархами, заранее зная, кто выйдет из схватки победителем?

Поэтому де Ланкло, как ей и приказали, через несколько часов покинула Париж, но... ни в одном из монастырей ее не увидели! Она напрямик направилась в поместье маркиза де Вилларсо. Имя этого ее любовника известно совершенно точно. А прочих она умело прятала среди многочисленных посетителей и завсегдатаев своего салона, прославленного громкими именами, стоявшими рядом с именем его хозяйки – вечно молодой и удивительно прекрасной.

В салоне Нинон читал свои произведения великий Мольер, дом на улице Турнелль, где жила Нинон, считал своим вторым домом и любил там бывать Ларошфуко, по некоторым данным, его посещала шведская королева Христина, совершенно очарованная тогда уже перешагнувшей пятидесятилетний рубеж Нинон. Она приглашала ее вместе поехать в Рим, к Папе, однако де Ланкло скромно отказалась.

Среди посетителей и завсегдатаев салона Нинон можно назвать астронома и математика Гюйгенса и парализованного поэта Скаррона. Он взял в жены очаровательную Франциску д'Обинье, которая год спустя, после того как овдовела, вновь вышла замуж за маркиза Ментенон, а позже стала сначала любовницей, а потом и тайной женой «короля-солнца», Луи XIV. По свидетельствам современников, между Франциской и Нинон существовала многолетняя дружба.

– Как удастся тебе сохранять молодость и красоту? – якобы однажды спросила у подруги Франциска.

– Все это кавалеры приносят мне с собой, – загадочно улыбаясь, ответила неувядающая «царица куртизанок».

Говорят и о необычайной проницательности Нинон: когда ей уже перевалило за восемьдесят, она угадала в маленьком мальчике, которого ей представили, будущего философа Вольтера. В своем завещании она оставила ему две тысячи золотых на приобретение библиотеки. Возможно, это всего лишь легенда, но, возможно, и нет.

«Если бы я знала, как все кончится...»

Современники писали, что и в девяносто лет Нинон де Ланкло выглядела словно юная девушка. Хорошо, что уже не существовало инквизиции, иначе ей никак не миновать обвинения в колдовстве и страшной смерти на костре. Впрочем, горе в ее жизни тоже случалось и не обошло обольстительницу стороной. Жизнь ее не была совершенно безоблачной.

По воспоминаниям современников, в молодые годы одним из пламенных любовников Нинон был маршал д'Этре, от которого красавица родила сына, якобы получившего имя кавалера де Виллье и воспитывавшегося в провинции. Когда молодому человеку исполнилось двадцать лет, Нинон пожелала видеть его и поселила в своем доме, создав все условия, дабы вывести отпрыска в высший свет. Но тот влюбился в собственную мать и покончил с собой. Насколько правдива эта история, судить довольно сложно. О Нинон ходило множество легенд и слухов!

Другими известными любовниками Нинон являлись маркиз де Вилларсо и герцог де Ларошфуко, к ним нужно приплюсовать маршала д'Этре и новое очень высокопоставленное лицо – уж не самого ли короля Франции? – от которого в пятьдесят пять лет Нинон, по словам современников, родила дочь. К несчастью, девочка вскоре умерла. Ребенок оказался настолько красив, что отец приказал забальзамировать тельце и хранил его в стеклянном сосуде в своем кабинете.

– Это язычество и богопротивное дело, – сказал ему столь же высокопоставленный церковник, возможно даже сам кардинал. – Тело должно быть предано земле.

– Посмотрите, она прекрасна, как фея, – ответил любовник Нинон. – Разве можно хоронить фей, словно людей?

За полную достоверность этой истории также трудно ручаться: как уже говорилось, с именем Нинон де Ланкло связано множество разных легенд и слухов, проверить подавляющее большинство которых совершенно невозможно.

Достоверно можно сказать, что у нее были внук и внучка, однако они не унаследовали умопомрачительной красоты и талантов бабушки. Кто их родители – осталось неизвестно.

В девяносто лет Нинон продолжала обольщать, и ее вниманием сумел завладеть оставшийся неизвестным некий аббат, которому исполнилось восемьдесят девять лет! В Париже, где знают все и про всех, говорили, что он самый пылкий и страстный из всех любовников «царицы куртизанок». Возможно, аббат являлся таким же феноменом, как сама Нинон?

Рассказывали, как незадолго до кончины, когда де Ланкло уже исполнилось чуть ли не сто лет, она в припадке откровенности пожаловалась:

– ОН приходил и сказал: скоро конец! О Боже, если бы я знала, как все кончится, то лучше бы сразу повесилась!

Что она имела в виду? Кого, можно догадаться, но остальные тайны несравненная красавица унесла с собой в могилу, оставив только легенды и восторженные воспоминания о себе...

Червонная дама корсара Леграна

В зале одного из старых русских музеев висел написанный неизвестным художником XVIII в. портрет молодого человека с дерзким прищуром голубых глаз, казалось вобравших в себя синеву далеких, полных романтики южных морей. Пышные локоны завитого белокурого парика падали на кружевной воротник дорогого камзола, рука юноши сжимала эфес шпаги, но никто из искусствоведов не мог сказать, кто изображен на портрете. Имя персонажа оставалось долгое время загадкой, и во всех каталогах полотно числилось как «Портрет молодого вельможи».

Наконец тайна раскрылась. Оказалось, на старинном портрете, некогда написанном знаменитым французским живописцем Никола Ларжильером, изображен известный авантюрист и сердцеед начала XVIII столетия, дуэлянт и любимец фортуны Пьер Легран. С его именем связана любопытная история любви и пиратского золота...

Пророчество за карточным столом

Дождливым летним вечером 1711 г. Пьер Легран – капитан стоявшего на марсельском рейде фрегата «Кураж» – заглянул в салон итальянской певички Монфальконе, пользовавшейся в городе сомнительной славой. Сбросив на руки слуге мокрый плащ и шляпу, капитан прошел в ярко освещенную множеством свечей гостиную.

Церемонно поклонившись хозяйке, он поцеловал ее надушенную ручку, сказал пару дежурных комплиментов и сел играть в карты. Напротив капитана за покрытым зеленым сукном столом оказался пожилой аббат, ловко тасовавший атласную колоду униженными перстнями жирными пальцами.

– Вот моя ставка, – корсар небрежно бросил на стол сафьяновый кошелек с золотом. – Чем ответите вы?

– Могу предложить нечто необычное, – загадочно улыбнулся аббат.

– Например?

– Например, предсказание судьбы. Ставлю мое пророчество против вашего золота. Идет?

– Я не совсем вас понял, святой отец! – привычно положив ладонь на эфес длинной шпаги, слегка нахмурился Легран.

– Все предельно ясно: если вы проиграете, то золото мое, – ловко раздавая карты, объяснил священник, – а коли проиграю я, то скажу, что ждет вас в ближайшем будущем.

Капитан уже открыл рот, намереваясь послать хитрого святошу ко всем чертям, но ему вдруг стало весьма любопытно. Не иначе, аббат просто прожженный мошенник, каких немало найдется в любом портовом городе. Наверняка он соотечественник хозяйки и пользуется ее молчаливой поддержкой, когда шулерскими приемами облапошивает гостей салона за карточным столом. А под его сутаной может скрываться роба беглого каторжника – вон какие колючие и хитрые у него глаза!

Однако не на того напал, каналья! Впрочем, отчего не посмотреть, как карты лягут? Легран играл хорошо, и ему хотелось услышать, что наболтает ряженный аббат, если продутся в прах.

Приказали слугам подать темного кипрского вина и начали игру. Переменчивое карточное счастье то ускользало от корсара, то вновь возвращалось. Но в конце концов, когда за высокими окнами уже забрезжил рассвет, священник оказался в сильном проигрыше.

– С вас триста золотых, – откинувшись на спинку стула, насмешливо сказал Легран. – Платите, святой отец!

– Не торопитесь, – сложив руки на животе, уверенно ответил аббат. – Через год получите куда больше, целый сундук золота! Вас ждет дальнейшее путешествие и встреча с молодой прекрасной червонной дамой. Она принесет вам любовь, богатство и необычайные приключения. Потом вы завоюете благосклонность короля и останетесь в памяти потомков.

– Чего только не наврешь, лишь бы не платить, – расхохотался Пьер.

Ну конечно же он точно угадал: попик оказался сущим мошенником. Раз не выгорело обыграть, он теперь с умным видом плетет всякие небылицы. Ладно, наплевать, все равно каждый остался при своем.

– Прощайте, святой отец! – Легран поднялся. – Наверное, моя червонная дама уже заждалась?

– Храни вас Бог, сын мой, – смиренно перекрестил его аббат. – Помните: через год!..

Дочь губернатора

Год спустя, то есть в 1712 г., в голубых водах Индийского океана, омывающих принадлежавший тогда голландцам остров Маврикий, появилась небольшая эскадра французских военных кораблей. Ею командовал адмирал Шароле. В состав эскадры входил и фрегат «Кураж» капитана Леграна. Стоя на мостике, он в подзорную трубу с любопытством осматривал затянутые голубоватой дымкой лесистые горы острова, шпили белых церквушек, домики городка и маленькие фигурки людей около причалов.

Попусту не трата времени на переговоры, французы с ходу дали по острову пару бортовых залпов – больше для устрашения малочисленного голландского гарнизона, чем для начала артиллерийской дуэли или с целью нанести какие-либо разрушения. Потом с кораблей быстро спустили шлюпки, в них сели вооруженные матросы и высадились десантом.

Совершенно не ожидавший подобного поворота событий и даже не предполагавший возможного нападения гарнизон острова во избежание ненужного кровопролития предпочел капитулировать. Губернатор Маврикия мессир ван Бринк торжественно отдал свою шпагу адмиралу Шароле. Взамен он испросил себе право покинуть остров и свои бывшие владения вместе с семьей и немалым имуществом. Для этого адмирал решил предоставить ван Бринку фрегат, а конвоировать экс-губернатора приказал Леграну.

Вскоре на «Кураж» прибыло семейство губернатора. Лишь только Пьер увидел дочь голландца – золотоволосую красавицу Аниту ван Бринк, – как сердце корсара и авантюриста дрогнуло и забилось быстрее: это сама судьба! Галантно предложив девушке руку и осторожно держа ее за кончики нежных пальцев, капитан «Куража» не чувствовал под собой ног, поднимаясь по трапу на борт.

– Вы самый ценный груз, который когда-либо мне доводилось сопровождать, – шепнул он прелестной голландке. – Готов даже заложить душу дьяволу, только бы вы стали моим призом!

В ответ красotka подарила галантному французу многообещающий взгляд и скрылась в каюте, плотно закрыв за собой дверь.

С этой минуты Легран все свободное время проводил в обществе семьи экс-губернатора Маврикия мессира ван Бринка, решительно сумев всех очаровать. Естественно, ни сам мессир ван Бринк, ни его супруга совершенно не интересовали молодого человека: его буквально сводила с ума их красавица дочь! Француз был высок, строен, хорош собой, образован, галантен, смел и безумно влюблен! Не удивительно, что довольно скоро ему удалось растопить лед недоверия и завоевать сердце губернаторской дочери.

Пьер пригласил девушку в капитанскую каюту, где они пылко объяснились в любви, дав друг другу клятву верности и обещание никогда более не расставаться.

– Готов ли ты ради меня на все? – спросила Анита.

– Хоть в преисподнюю, – серьезно ответил Легран.

– Тогда я могу открыть тебе свою тайну, любовь моя, – с трудом высвободившись из жарких объятий Пьера, неожиданно сообщила Анита.

Авантюрист насторожился: что еще за тайны у губернаторской дочери? Неужели ему сейчас предстоит услышать душераздирающую историю о внебрачных малютках или?.. Но то, о чем поведала Анита ван Бринк, несказанно удивило капитана и заставило его серьезно призадуматься.

Издавна у берегов Маврикия искали прибежища и спасения застигнутые жуткими океанскими штормами пираты. Некоторые из их кораблей разбивало высокими волнами об острые прибрежные скалы, и они быстро шли ко дну. Однако пираты упорно старались спасти

даже с быстро погружавшихся в пучину кораблей самую ценную добычу, а на берегу острова превращали ее в клады, устраивая хитрые тайники по всему Маврикию.

Однажды случилось так, что предводитель пиратов влюбился в местную красотку и женился на ней. Ему посчастливилось закончить жизнь на берегу. Когда пришел смертный час, старик открыл тайну спрятанного на острове пиратского золота своей дочери-мулатке и передал ей как наследство секретную карту. Много лет спустя эта мулатка стала кормилицей Аниты и, полюбив девочку как родную, подарила ей полученную когда-то от отца-пирата карту, испещренную условными значками, обозначающими пути к местам хранения сокровищ морских разбойников.

– Я не верю, что они действительно существуют, – отдавая карту, небрежно махнула рукой мулатка, – а ты поступай как знаешь. Пусть эта штука напоминает тебе обо мне, дитя мое!

В отличие от кормилицы, Анита твердо верила в существование пиратских кладов и теперь хотела отдать возлюбленному карту сокровищ морских разбойников.

Пока корабли французов готовились к выходу в море, Легран не одну ночь провел в угаре безумной любви и тяжелых, как похмелье, размышлениях. Не раз он наугад открывал колоду карт, и из нее неизменно выпадала все та же червонная дама: как тут не вспомнить предсказание странного аббата, которого он принял за шулера и беглого каторжника? Священник оказался настоящим провидцем! Но как поступить, на что решиться? Сбудется ли предсказанное до конца и стоит ли рисковать головой, доверяясь рассказам неизвестной мулатки и затертому куску старой мягкой кожи с непонятными каракулями?

Анита постоянно умело разжигала в Легране любовную страсть и алчность. Наконец ей удалось добиться своего – авантюрный склад характера Пьера победил благоразумие.

– Мы отправим пробную экспедицию, – решил он. – Но тайно!

Держа цель предприятия в секрете от всех, он отобрал нескольких надежных матросов, подготовил шлюпку, факелы, потайные фонари, веревки, оружие и инструменты. Ночью шлюпку тихо спустили за борт корабля. Легран сел в нее вместе с Анитой, и матросы навалились на весла.

Вскоре нос шлюпки уткнулся в прибрежную гальку. Строго следуя от одного оставленного пиратами условного знака к другому, небольшой отряд прошел по укромным тропам к первому из тайников.

– Ну, сейчас все решится, – прикусив от волнения губу, прошептал Пьер.

При свете факелов определили место, и матросы споро заработали заступами. Вскоре железо глухо стукнуло о дерево, и с помощью толстых веревок из глубокой ямы вытащили большой сундук. Когда сбили замок и откинули крышку, он оказался доверху полон золотых испанских реалов! Карта старого пирата не обманула! Не обманула и прекрасная дочь вице-губернатора! Мало того, она утверждала, что, по рассказам кормилицы-мулатки, в других тайниках спрятаны не меньшие сокровища.

Неужели год назад странный аббат действительно предвидел все это?

Парадный портрет

Найденное ночью золото решило все окончательно и бесповоротно! Легран быстро договорился со своей командой и захватил два фрегата, а утром заявил адмиралу Шароле:

– Месье! Я не подниму якоря до тех пор, пока не решу на Иль-де-Франс – так теперь именовали остров Маврикий – свои собственные дела.

– Не стану вам препятствовать, Легран. Но подумайте о власти нашего короля!

Адмирал многозначительно показал пальцем на небо, словно король, подобно Боже-ству, восседал там, а не в своем дворце. Зная дерзкий характер авантюриста и не имея достаточно сил, чтобы справиться с ним и его сторонниками, сам Шароле предпочел поскорее выбрать якоря, поднять паруса и выйти в море – таким образом он надеялся сохранить еще оставшиеся под его командой корабли.

И тут его ждала неожиданная удача – буквально на следующий же день адмирал повстречал направлявшуюся к острову небольшую французскую военную эскадру. Приняв объединенное командование, Шароле приказал немедленно держать курс на Маврикий – он поклялся повесить проклятого Леграна на рее!

Однако удача очень часто ходит рука об руку с неудачей: около острова адмирала и его подчиненных поджидал крайне неприятный сюрприз – на океанских волнах качалась большая эскадра голландских военных кораблей! Противник превосходил французов численностью чуть ли не вдвое, а на стоявшие в порту острова два фрегата корсара Леграна адмирал рассчитывать не мог.

Тем не менее, к немалому удивлению Шароле и его офицеров, фрегаты нахального Леграна быстро снялись с якорей, подняли все паруса и вышли в открытое море навстречу голландцам. Адмирал просто прилип к подозрительной трубе и решил: лучше всего в создавшейся ситуации проявить благоразумие и выдержку.

– Мы подождем, господа, и посмотрим, что произойдет дальше, – заявил он офицерам.

Между тем фрегаты Леграна смело атаковали противника и первым же метким бортовым залпом вывели из строя самый крупный голландский корабль. Умело маневрируя и проявив талант флотоводца, Легран продолжал смело атаковать и огнем своих пушек повредил еще два неприятельских корабля – они быстро потеряли управление, и вскоре волны выбросили их на безжалостные прибрежные рифы, где шум волн заглушал все крики и треск ломающихся бортов.

Французы радостно кричали «ура!»

Однако, как оказалось, это был еще не конец сражения. Неистовый Пьер развернул свой корабль и быстро пошел на сближение с самым большим фрегатом голландцев. Дав по нему залп в упор, он сцепился с ним бортами и взял на бордаж!

Противник не выдержал столь лихого натиска и позорно бежал. Французы ликовали и обнимались, но тут совершенно непредсказуемый корсар вновь развернул свои корабли и атаковал... эскадру Шароле. Деморализованные зрелищем быстрой и сокрушительной победы над голландцами, французы в испуге бежали. Часть кораблей, даже не дождавшись первых выстрелов, пустилась наутек, а команды других, скиснув от страха, замешкались. Некоторые из них Легран потопил, а самого Шароле взял в плен. К чести корсара, он ограничился тем, что посадил адмирала под замок на острове, а сам вместе с возлюбленной начал лихорадочные поиски оставшихся пиратских сокровищ. Им следовало поторопиться, пока бежавшие французские корабли не вернулись с подмогой.

Осталось неизвестным – нашел ли еще что-нибудь Легран на острове Маврикий? Но вскоре он поспешно выбрал якоря и вышел в море задолго до появления карательной экспедиции. Вместе с ним уплыла и красавица Анита.

Освобожденный прибывшими на остров властями, адмирал Шароле немедленно рассказал о таинственных поисках корсара. Так стало известно о старых пиратских кладках. Однако сколько потом ни искали драгоценности и золото, ничего найти так и не сумели – видно, сокровища давались в руки лишь тем, кто имел секретную карту, как у «червонной дамы» – Аниты ван Бринк. А может быть, золото забрали сами пираты, которые в те времена еще бороздили моря и океаны?

О дальнейшей судьбе пылких влюбленных Пьера Леграна и красавицы Аниты ван Бринк очень долгое время ничего не было известно. Только в XX в., в одном из русских музеев обнаружился парадный портрет Пьера Леграна работы известного французского живописца Никола Ларжильера (1656–1746), а в изданной в Париже в 1788 г. книге Терреля «Морская летопись» упоминается Легран.

Значит, Пьер все же сумел оставить свой след в истории, вернув доверие французских монархов? Или он просто-напросто... купил его за пиратское золото, принесенное ему в приданое прекрасной дамой червей?

На портрете в музее красавец корсар улыбается хитро и загадочно, словно ему одному известно нечто, недоступное всем остальным. Наверное, так оно и есть...

Божественный эликсир

С раннего детства Джованни Паоло Фермини мечтал прославиться и разбогатеть, чтобы восстановить утраченное его семьей положение некогда состоятельных и родовитых предков. Однако, что бы он ни делал, упрямая Фортуна постоянно поворачивалась спиной к потомку гордых патрициев. Это было тем более горько и обидно, что предприимчивый потомок древних римлян совершенно не жалел себя, лишь бы поправить дела семьи и снова выбиться в первые ряды знати и состоятельных людей.

Сначала он хотел стать придворным ювелиром и прилежно учился этому ремеслу в мастерской одного знакомого. Затем освоил тонкое мастерство стеклодува. Не добившись этими занятиями ни денег, ни славы, Джованни попытался стать живописцем, но вскоре понял: у него нет таланта художника. Бросив кисть и краски, молодой человек решил поступить офицером в армию.

Он прочел горы книг по военной истории разных времен и народов, изучил разные уставы, брал уроки верховой езды и фехтования и наконец успешно сдал экзамен на офицерский патент во французской армии. Но там ему не слишком понравилось, и он вскоре перешел на службу к австрийцам. Однако гром орудий и штыковые атаки в дыму сражений пришлись Фермини совсем не по душе. Поэтому вскоре он стал студентом университета в Болонье, где прилежно изучал естественные науки, в том числе химию.

Но годы неумолимо проходили, а деньги и слава, а с ними и восстановление во всей красе старинного патрицианского рода Фермини, по-прежнему оставались все так же недосягаемы...

Монастырь Санта-Мария-Новелла

Тем временем в сопредельной Франции начались грандиозные события – народ восстал, взял самую знаменитую тюрьму государства – Бастилию – и посадил самого короля под замок! Сведущие люди, немало повидавшие на своем веку разного рода политических катаклизмов, уверенно говорили в трагториях за бокалом молодого вина:

– Теперь за голову Луи никто не даст и ломаного гроша!

Джованни только радовался, что он больше не служит во французской армии, да и вообще ни в какой: впереди явно назревали большие, кровопролитные баталии. Вскоре беспокойно стало и в самой солнечной Италии: в нее вторглись французские войска. В Париже короля Луи действительно лишили головы, как и его жену, а в стране началась сущая неразбериха. Ловкий Фермини, как мог, старался поймать хоть какую-то рыбку в этой мутной воде, и, случалось, иногда к его ладоням прилипало немного золота.

Однажды в таверне постоялого двора, неподалеку от древней Падуи, – Фермини часто колесил по всей стране в поисках заработка, – Джованни оказался за одним столом с компанией выдавших виды бродяг, откровенно смахивающих на разбойников или контрабандистов: они пробирались из Флоренции на север. Наверное, намеревались на какое-то время задержаться в богатом Милане или уйти через перевалы в Швейцарию, пока тропы в горах окончательно не замело снегом. Высоко в Альпах зима наступала рано, а то и вообще не кончалась.

Джованни прислушался к разговорам подозрительных незнакомцев и понял: они недавно побывали во флорентийском монастыре Санта-Мария-Новелла и узнали, что живущие в обители монахини обладали секретным рецептом некоего божественного эликсира.

О, божественный эликсир? Это очень интересно! И Фермини ловко завязал с бродягами беседу, намереваясь выведать у них побольше интересующих его подробностей о монастыре и загадочном секретном рецепте.

– Говорят, секретный манускрипт привезли испанцы из Нового Света еще во времена Колумба или добыли в Африке миссионеры, обращавшие в христианство кафров, – сказал один из бродяг.

– А мать-настоятельница там еще очень молода, – игриво подмигнул Джованни другой бродяга, с заросшим сивой бородой лицом, украшенным давним глубоким шрамом. – Даже слишком молода для монахини.

– Говорят, она происходит из рода князей Колонна, – перебил его приятель. – Но молодость – тухлый товар: она слишком быстро проходит. К тому же, как рассказывали нам некоторые словоохотливые послушницы, бедняжку мучают видения: у нее явно не все в порядке с головой!

– Какие видения? – живо заинтересовался Джованни. – Муки ада за совершенные грехи? Но ведь она, как вы говорили, еще очень молода!

– Монашки – тоже женщины, – наставительно заметил пожилой бродяга. – И, хотя бы в мыслях, ничто земное им не чуждо. Зов плоти часто куда сильнее веры. Я слышал, ей в греховных видениях являются языческие божества! Не иначе, смущают бесы!

– Т-с-с! – недовольно зашипел бродяга со шрамом. – Вы слишком быстро забыли о «прекрасных» временах инквизиции.

Фермини решил раскошиться и прилично угостил новых знакомых крепким вином, хорошо развязывающим языки. Он уже понял: настоятельница неотвязно преследовали эротические фантазии – и решил выведать об этом как можно больше. Вдруг именно тут и отыщется уникальный шанс, вдруг это некий знак судьбы, ниспосланный ему незримыми силами?

Утром, изрядно помятый после бурно проведенной ночи и с тяжелой, словно сви-
нец, после выпитого вина головой, Джованни шагал по дороге, ведущей во Флоренцию.
Он направлялся в монастырь Санта-Мария-Новелла, где хранился секретный рецепт боже-
ственного бальзама или эликсира...

Необычайные похождения старого садовника

Даже в то смутное время, когда могущественные короли заканчивали жизнь на плахе, а на знаменах победоносных полков вышивали слова: «Свобода! Равенство! Братство!» – проникнуть в итальянскую женскую монашескую обитель оказалось весьма непростой задачей. Фермини пришлось использовать далеко не новый, зато безотказный, не раз проверенный и очень удачный ход – он превратился в... старика!

Тут ему немало пригодились знания, полученные в странствиях по Италии с трупной бродячих актеров и акробатов-циркачей. Тогда он влюбился в одну красотку и, долго не раздумывая, подался за ней и ее приятелями – все равно дома даже старым слугам нечем заплатить.

Монастырю как раз требовался новый садовник. Фермини пришел в обитель и смиренно предложил свои услуги, предъявив им же самым ловко сфабрикованные рекомендательные письма. Ему дали место. Нищенская оплата от прижимистых монахинь да пара мисок похлебки: кто бы согласился за несколько монет от зари до зари трудиться в обширном монастырском саду? А сгорбленный старик с клочковатой седой бородой не вызывал у монахинь никакого подозрения.

Едва увидев проходившую по двору обители мать-настоятельницу, Джованни застыл от изумления, как пораженный громом. Аббатиса оказалась действительно молодой и не просто красивой, а божественно прекрасной женщиной! Статной, с тяжелой копной светлых волос, спрятанной под монастырским чепцом, упругой, горделивой походкой, точеной фигурой и горящим в больших выразительных глазах жарким огнем, в котором опытный авантюрист сразу увидел огонь неуголенных страстей!

– Клянусь честью дворянина, – сказал себе Джованни, – эта красота создана Богом совсем не для того, чтобы зачахнуть в монастырских стенах!

Чутко прислушиваясь к разговорам монахинь, совершенно не обращавших внимания на присутствие безмолвного, вечно копавшегося в земле седого старика, Фермини упорно, буквально по крупицам собрал необходимые ему сведения о «видениях» матери-настоятельницы. Наконец он решил: настало время попытаться их «реализовать».

Выбрав подходящий день, он подкараулил аббатису в увитой диким виноградом беседке, где она в полном одиночестве читала житие святой Екатерины.

Беседка располагалась в отдаленном, глухом уголке сада, и в ожидании подобного подходящего случая Фермини все уже приготовил там заранее.

Услышав слабый шорох ветвей, мать-настоятельница подняла свои прекрасные глаза, и крик испуга застрял у нее в горле: из кустов к ней вышел казавшийся невыразимо прекрасным загорелый, отлично сложенный мужчина с венком ярких цветов на голове. Он был совершенно обнажен, если не считать венка на голове, легких сандалий и фигового листка, не столько скрывавшего, сколько, наоборот, подчеркивавшего его мужские достоинства.

– Я – Вакх! – Молодой мужчина с улыбкой протянул к ней мускулистую руку. – Ты видела меня в своих снах, а теперь я сам пришел к тебе.

Голос у мужчины оказался глубоким, низким, бархатистым. Он словно ласкал и обнимал ее, и мать-настоятельница... лишилась чувств!

Немного позже, сосредоточенно копаясь в земле, успевший вновь принять облик старика-садовника, ловкий Джованни исподтишка наблюдал, как перепуганные монахини метались во все стороны по дорожкам и аллеям, обшаривая монастырский сад и все хозяйственные постройки. Однако на старого садовника по привычке никто даже не обратил внимания.

А между тем Фермини уже давно задумал и тщательно подготовил новый эффектный номер. Он прекрасно умел лазать по деревьям и решил в одну из темных, ненастных ночей проникнуть через окно в келью аббатисы: благо почти у ее окна широко раскинул ветви старый каштан.

Конечно, риск был очень велик, но желание узнать секрет божественного бальзама или эликсира стало неразрывно связано у Джованни с неутоленным, готовым свести его с ума роковым желанием обладать прекрасной аббатисой. Очаровательная монахиня снилась ему каждую ночь, и он сгорал от вожделения и любви – пусть она не знала, кто скрывается под личиной старого, сгорбленного садовника, но она узнает эту тайну. В конце концов, не так важен эликсир, как эта божественная женщина!

Наконец выдалась подходящая ночь, и Фермини ловко взобрался по ветвям каштана. Настоятельница молилась, сложив руки на груди и стоя на коленях около кровати. Джованни сильной рукой толкнул решетчатые створки ставен и прошептал срывающимся от страсти голосом:

– Прекрасная! Я – Вакх!

Аббатиса открыла глаза, вздрогнула, хотела закричать, но ее ослепила неожиданная вспышка света – вот где Джованни пригодились познания в химии, полученные в университете.

В легкой синеватой дымке у окна она разглядела силуэт обнаженного молодого красивого мужчины. Неожиданно его могучие руки подхватили настоятельницу, и она услышала, как в груди Вакха сильно бьется сердце. Жаркие губы прильнули кустам настоятельницы, даря ей сладкий, заставлявший кружиться голову, греховный поцелуй.

– Ты – моя любовь! – бережно положив ее на кровать, сказал Вакх и отбросил в угол свой венок...

Утром мать-настоятельница поднялась значительно позднее чем обычно, а на мессе показала сестрам-монахиням несколько рассеянной и довольно странной: она все время загадочно улыбалась и совершенно невпопад отвечала на вопросы...

Вода и решетки

Примерно год спустя после описываемых событий в дорогих лавках и магазинах многих стран Европы появился в продаже необычайный эликсир, называвшийся «Вода из колоний».

Стоил он весьма недешево, но сразу получил признание и широкую популярность в свете и среди состоятельных людей.

Эликсир выпустил в свет потомок старинного дворянского рода из Рима Джованни Паоло Фермини. Он продавал свое необычное «зелье» в изысканных флаконах из хрусталя, с причудливыми золотыми и серебряными пробками: сами флаконы и пробки являлись произведениями искусства.

– Говорят, все образцы флаконов лично изготовил сам хозяин новой парфюмерной фирмы, – сообщали друг другу знатоки.

– Немудрено, что он столь быстро разбогател, – усмехались другие. – Рассказывают, секретный рецепт своего эликсира Фермини хранит в банке за семью печатями и никому не открывает тайны, где и как он сумел его заполучить.

– Любопытно, что журналистам удалось узнать пароль к банкиру. Это женское имя, господа, – Лальдомина!

– Вот как, кто же это такая?

– Неизвестно, господа, совершенно неизвестно...

Однажды к владельцу модной парфюмерной фирмы приехал французский офицер в сопровождении эскорта гвардейских кавалеристов.

– Я адъютант генерала Бонапарта. Ему очень нравится ваш эликсир, и он желает, чтобы вы стали его постоянным поставщиком.

– Почту за честь, – поклонился Фермини.

Он слышал, что генерал Наполеон Бонапарт, – к тому времени уже ставший известным полководцем и явно метивший в императоры, – употреблял эликсир из Италии весьма оригинальным способом: он капал его на сахар и... сосал! Кстати, когда Бонапарт стал императором, итальянский парфюмер и ювелир создал специально для Наполеона I уникальный флакон, который монарх мог носить в... сапоге!

Трудно сказать, какой величины был этот удивительный флакон, но некоторые истории авторитетно утверждают: великий полководец расходовал за месяц до трех десятков таких флаконов, которые ему исправно поставлял Фермини.

Да, но что же случилось с аббатисой, неужели она оказалась забыта? Вовсе нет.

В один действительно прекрасный день матери-настоятельнице монастыря Санта-Мария-Новелла доложили, что свидания с ней упорно добивается отказавшийся назвать себя господин. По уставу монастыря настоятельница имела право говорить с ним только через решетку и в присутствии другой монахини, у которой будет находиться ключ от замка.

Нечто совершенно необъяснимое вдруг сильно взволновало аббатису и заставило ее поспешно спуститься вниз, к решетке для свиданий. По ту сторону толстых прутьев она увидела высокого, черноволосого, хорошо сложенного мужчину в богатой, изысканно-модной одежде, лицо которого показалось ей очень знакомым. Боже! Нет, это невозможно!

– Я – Вакх! – Мужчина одним широким жестом откинул в сторону свою шляпу и надел на кудри спрятанный за спиной пышный венок из ярких цветов.

– Пресвятая Дева! – почувствовав, как подгибаются ее колени, прошептала мать-настоятельница. – Этого не может быть!

– Любовь моя! – мужчина с силой встряхнул решетку. – Я пришел за тобой. Меня зовут Джованни Паоло Фермини. Карета у ворот, кучер навеселе, а кони – просто звери! Твой дворец ждет тебя, богиня!

Настоятельница колебалась только одно мгновение. Чуть помедлив, она сорвала с головы накрахмаленный монашеский чепец и встряхнула гривой роскошных золотисто-рыжих волос. Не обращая внимания на обомлевшую от неожиданности монахиню, она не терпящим возражений тоном приказала:

– Я княжна Лальдоми́на Колонна! Откройте решетку, сестра!..

Рассказывают, что именно так счастливо закончились мистические видения бывшей аббатисы монастыря Санта-Мария-Новелла во Флоренции и появился знаменитый эликсир «Фа де Колон», столь любимый императором Наполеоном...

Ее всегда тянуло на «сладенькое»

Эта дама всегда считалась непревзойденным мастером по части шокирования публики. Любой – простонародья, высшего света, литературной общественности. Пожалуй, ее можно назвать одной из первых в мире «эмансипэ» и сторонниц «свободной любви» – она открыто презирала ханжескую мораль и любила не только многих мужчин, но и женщин. Как метко заметил один из ее современников, Аврору всегда тянуло на «сладенькое»!

Аврору? Да, речь идет об Авроре Дюпен, она же Аврора Дюдеван, более известная всему миру как писательница Жорж Санд, скрывавшаяся под мужским псевдонимом...

Поиски абсолютной любви

Дюпен, происходившая из очень приличной провинциальной французской дворянской семьи в Ноане, в юные года стала воспитанницей женского августинского монастыря. Это означало, что девушка непременно получит хорошее образование и воспитание, ей привьют умение вести себя в обществе, а затем она достигнет общепринятого семейного счастья, выйдя замуж за достойного человека.

Желанное семейное счастье появилось перед юной Авророй в образе внебрачного сына барона Дюдевана – художавого и элегантного молодого человека, явно щеголявшего военной выправкой. Казимир Дюдеван считался в светском обществе добрым и порядочным малым, поэтому вполне естественно, что молодые люди симпатизировали друг другу, а потом не успели оглянуться, как уже рука об руку шли к алтарю. Осенью 1822 г. они стали мужем и женой.

Однако семейная жизнь молодых провинциалов, вполне обеспеченных материально, складывалась не слишком счастливо. И причиной этому служили их разные взгляды на некоторые вещи, которые в наш век можно счесть совершенно несущественными.

– О, Аврора! – часто с горестным вздохом говорил Казимир. – Она жутко религиозна. Несомненно, это влияние воспитания в монастырской школе у августинцев. К тому же она слишком увлекается поэзией и музицированием. Право же, меня это только сильно раздражает.

Действительно, все то, что волновало нежную душу Авроры, только сильно раздражало ее мужа. Но свои супружеские обязанности месье Казимир выполнял весьма исправно и охотно – сначала в семье родился сын, получивший имя Морис, затем дочь – Соланж. Однако это мало что изменило в духовной жизни еще не столь давно пылко влюбленных друг в друга Казимира и Авроры. К тому же супруга выводило из себя то обстоятельство, что он никак не мог разбудить в жене абсолютно никакой чувственности.

– Сударыня, отчего вы в постели постоянно холодны как лед? – подозрительно вопрошал он.

– Я не знаю, – честно отвечала будущая знаменитая романистка и думала о том, существует ли вообще в реальной жизни идеальная абсолютная любовь. Или это всего лишь досужие сказки и пустые выдумки?

Устав ждать и терпеть, Казимир потихоньку завел себе на стороне пару страстных любовниц и получал у них утешение и полное удовлетворение: в конце концов, сколько же можно страдать?!

Аврора узнала от «доброхотов» об изменах мужа, но не устроила скандала, а тоже стала при удобном случае изменять Казимиру. Но опять же, не получала при этом никакого наслаждения. А тут еще в довершение прочих неприятностей ей попались под руку дневники Казимира, в которых он зло упрекал жену, называя ее фригидной. Супруга вспылила и твердо решила уехать в Париж, оставив детей с Казимиром – пусть теперь он их воспитывает как знает.

В столице Аврора вскоре сошлась с Жюлем Сандо, который имел прозвище Малыш. С ним она узнала все прелести свободной любви почти ничем не связанных людей, имеющих практически одинаковые пристрастия и привычки.

– Как мы станем жить? – однажды спросил Малыш, имея в виду чисто материальную сторону вопроса.

– Можно заработать литературной поденщиной, – не задумываясь, предложила Аврора.

Предложение было принято, и любовники в две руки принялись строчить роман, предварительно обсудив его сюжет. Вскоре произведение под названием «Роз и Бланш» увидело свет, а на месте имени автора стоял коллективный псевдоним Ж. Санд. Аврора чувствовала себя на вершине блаженства, тем более что Жюль был на семь лет моложе ее, и она часто играла с ним в «мать и сына». Вероятно, ролевые сексуальные игры сильно возбуждали писательницу, доводя ее до экстаза.

Вскоре Аврора уехала по делам в Ноан, а весной 1832 г. вернулась в Париж с рукописью нового романа «Индиана». Жюль прочел его с восторгом, но, как порядочный человек, от соавторства отказался категорически. Тогда Аврора избрала другой путь: она сохранила прежний псевдоним Санд, но добавила к нему мужское имя Жорж, спрятав за ним свое истинное происхождение от щепетильных в вопросах чести Дюдеванов и своей матери Дюпен.

Роман принес Жорж Санд известность, но еще большую известность принесли ей проповеди свободной любви, абсолютной страсти и чувственного наслаждения, которые она страстно произносила в парижских салонах, где собирались представители богемы и золотой молодежи.

Да, но страсть оставалась только в пламенных проповедях! Увы, даже Жюль не мог дать ей полного удовлетворения, и Аврора страшно страдала, считая себя совершенно несчастным, ущербным созданием, пока не встретила с известной актрисой Мари Дорваль, неизменно исполнявшей на сцене роли страстных, трепетных героинь.

Как очень быстро выяснилось, в жизни она оказалась точно такой же – много повидавшей и совершенно не стеснявшейся своих пороков. Мало того, Дорваль вызывающе откровенно выставляла их напоказ, что, как бабочку, летящую на огонь, привлекло Жорж Санд – они обе стремились к недостижимому абсолюту!

– Жорж Санд? Это жуткое чудовище, принявшее образ женщины, – говорил в то время любовник актрисы, граф де Виньи. – Безнравственное, совершенно лишенное какой-либо морали и стыда создание! Бедные ее дети!

Граф решительно настаивал на полном разрыве отношений Мари с писательницей, находя их крайне неприличными и вызывающими в обществе скандальные слухи. Но Дорваль, постоянно обещая ему порвать с Жорж Санд, упорно продолжала встречаться с ней...

В погоне за идеалом

В конце концов безумная любовная связь двух лесбиянок все же дала трещину и расстроилась, а затем и совсем распалась: могут ли две такие дамы долго сохранять верность друг другу и насыщаться только обществом друг друга? Могут ли их пороки пересилить их бурные страсти, постоянно одолевающие, словно смущающие душу бесы? Бесы неутоленных желаний и жажды еще большего, безумного сладострастия.

– Поиски абсолютной любви оказались, к несчастью, безуспешными, – с горечью говорила, расставшись с Мари, уже успевшая завоевать известность не только своими романами писательница. – Да и случается ли вообще такая на свете?

Да, взлелеянные в ее пылком воображении представления о таинственной, возвышенной и облагораживающей любовников связи почти полностью разрушились, а настойчивые поиски потерпели крах. Однако Саид не отчаивалась: она по-прежнему свято верила, что ей, за все ее страдания, будет ниспослана свыше неземная любовь. Аврора с истовой верой ждала и жаждала ее, надеясь отыскать признаки идеального любовника или любовницы чуть ли не в каждом встреченном ею мужчине или знакомой женщине.

Госпожа Саид вращалась в богемном обществе французской столицы, поэтому нет ничего удивительного в том, что ее пригласили на обед в «Ревю де Ле Монд». Там она познакомилась с молодым поэтом Мюссе. Ему исполнилось двадцать три года, он был в меру дерзок и весьма остроумен, заставляя Саид постоянно смеяться над своими остротами, которые французы часто называют «мо» – «словечко».

Аврора обратила на молодого человека самое пристальное внимание и пригласила его к себе. Спустя некоторое время поэт признался:

– Я люблю вас, словно ребенок!

Что, он ее любит почти как мать? Аврора чуть не задохнулась от нахлынувших на нее чувств. Поэта немедленно переселили в ее дом на набережной Малакэ и стали ухаживать за ним, как за принцем крови, выполняя малейшие капризы. Альфред де Мюссе купался в обожании, а уже довольно вкусившая горечи Аврора опасалась строить какие-либо планы даже на самое ближайшее будущее.

Она оказалась совершенно права, предостерегая саму себя от иллюзий. В конце 1833 года любовники отправились в Италию, и там, в Генуе, Аврора заболела лихорадкой. Альфред тут же взял побольше денег и отправился кутить в кварталы с красными фонарями. Правда, потом он на коленях слезно вымаливал прощение и... получил его!

После выздоровления Авроры сладкая парочка поехала в прославленную Венецию. И там умудрился подцепить лихорадку уже Альфред. Впрочем, что тут удивительного: кругом вода, гниющая в каналах. Саид не отходила от его постели, и ей активно помогал доктор Паджелло. По описаниям современников, это был молодой и красивый итальянец. Поэтому опять же нет ничего удивительного в том, что произошел разрыв с Мюссе, которому немедля припомнили вино и женщин в Генуе. Поэт уныло поехал в Париж, а писательница с упоением бросилась в объятия доктора Паджелло.

По сведениям биографов Саид, итальянец буквально вил из нее веревки, а в сексе делал с ней все, что хотел. Но он даже не подозревал, что капризная судьба уготовила ему скорую отставку, поскольку на горизонте появился тот, кто грезился Саид всю ее жизнь.

В июле 1834 г. врач неожиданно получил безоговорочную отставку, а его место немедленно занял плешистый, близорукий, мужиковатый, зато знаменитый и, по всей вероятности, обладавший совершенно фантастической потенцией и сексуальностью правовед, которого все биографы Саид называют Мишель из Буржа. Говорят, именно ему удалось наконец раз-

будить в писательнице жадную до наслаждений женщину. Как знать, возможно, это действительно так, однако при этом Санд часто жаловалась знакомым:

– Мишель сущий тиран!

– Так оставьте его, – советовали ей.

– Не могу, – со стоном отвечала она. – Не могу!

Ряд исследователей творчества Саид вполне серьезно считают: она по-своему искренне любила лысого правоведа. Больше, чем когда-то в юности своего мужа Казимира, других многочисленных любовников и даже лесбиянку-актрису Мари Дорваль. Пусть так, но сама Аврора постоянно была полна неразрешимых противоречий – наконец-то получив долгожданное «абсолютное половое удовлетворение», она вновь жадно возжелала «сладкого».

Что она считала для себя «сладким»? Ей вновь захотелось иметь в любовниках мужчину-ребенка: это оказалось самым лакомым для известной романистки.

Однако правоведа действительно оказался сущим тираном, и расставание с ним не обошлось без крупных скандалов.

– Ты еще не раз пожалеешь! – грозил он на прощание Авроре.

Возможно, она и впрямь пожалела, поскольку биографы больше не отмечают в ее жизни появления подобного «полового гиганта». Но какое сравнение мог выдержать плешистый Мишель из Буржа с утонченным и изысканным композитором Фридериком Шопеном?

Да, представьте, знаменитый Шопен также не сумел избежать любовных ловушек не менее знаменитой писательницы-романистки. Она пускалась на всяческие ухищрения, лишь бы только заполучить его, и наконец заполучила!

Теперь они почти не расставались. Он божественно играл на рояле – как известно, Шопен был блестящим пианистом с мировой известностью, – и Аврора наслаждалась его импровизациями и полными неизъяснимой грусти ноктюрнами. Считают, что именно Саид предприняла все меры, дабы расстроить помолвку Шопена с Марией Водзинской, и завладела композитором целиком, позволила ему жить в мире музыки, но с ней. И еще на Фридерика стала оказывать огромное влияние дочь Саид – Соланж. Создалась ли там «шведская семья», большинство исследователей скромно умалчивает. Для сведения стоит сообщить, что подобные сожительства давно практиковались во Франции, где отец и сын спали с одной любовницей, мать и дочь имели одного мужчину на двоих и даже тетки и племянники делились друг с другом «сексуальными утешениями».

Поэтому некоторые из биографов Саид высказывали подобное мнение: за рубежом хорошо известно, что через некоторое время сожительства Шопена с Саид врачи запретили ему «переутомляться».

– У вас достаточно слабое здоровье. Чрезмерное увлечение только одной стороной любви может сказаться на его состоянии весьма отрицательно, – предупредили маститые медики.

Авроре пришлось смирить свою страсть, накинув на нее крепкую стальную узду, дабы не потерять Фридерика навсегда. Как на это реагировала Соланж и что она делала в тот период, остается неизвестным. Факт в том, что Шопен тяжело воспринимал наложенные докторами ограничения, но потом смирился и... превратился в жуткого ревнивца.

– Лучше отказаться от воздержания, чем терпеть его ревность, – однажды призналась Аврора.

Стало ясно, что Фридерика она тоже потеряла.

Старость

Шопен действительно вскоре совсем отдалился от романистки, но она не сделала ничего, чтобы удержать его, хотя ее психика в тот момент находилась в очень тяжелом состоянии, на грани срыва. Видимо, Санд уже почувствовала, что ужасающе быстро стареет и ничего не может с этим поделать.

Незаметно стали утихать бушевавшие в ней безумные страсти, исчезать упоительные желания, сглаживались резкость и одержимость. Она почти смирилась. Но только почти!

Известно, что одним из ее последних постоянных любовников уже в довольно зрелом возрасте стал некий Марсо, сын садовника, который был на тринадцать лет моложе прославленной романистки. Ее по-прежнему сильно тянуло на «сладенькое».

В конце жизни она писала: «Будем же принимать жизнь такой, какова она есть, и будем благодарны за нее Господу Богу...»

Неутомимый охотник

Решительно все женщины и большинство мужчин признавали его красавцем – высокий рост, пронзительно синие, сверкавшие подобно драгоценным сапфирам глаза, гибкая фигура. А вдобавок острый ум, блистательные способности, литературный дар и гигантская работоспособность.

Такой человек мог появиться на свет только в условиях великих потрясений. Например, во времена Великой Французской революции, когда его отец – генерал Александр Давида – совершенно невероятным образом встретился с его матерью – дочерью трактирщика из Вилле-Котгре Мари-Луизой Лабуре. Сын аристократа из Нормандии и рабыни, храбрец и генерал в ночь безумной страсти, проведенную с дочерью трактирщика, зачал литературного гения, книгами которого спустя десятки лет зачитывался весь мир. И продолжает зачитываться.

Сына, рожденного Мари-Луизой, назвали в честь отца – Александром. Фамилию он получил уже более простую – Дюма. Юность будущего великого писателя прошла в провинции, где он пристрастился к азартной охоте в окружающих родной городок лесах. Но со временем, когда парнишка подрос, он понял: существует куда более увлекательная охота – радующая душу и тело охота за женским вниманием и благосклонностью.

И Александр Дюма с юных лет превратился в неутомимого охотника за женщинами, став не только великим писателем, но и великим любовником.

Первые победы

О любовных похождениях Александра Дюма известно достаточно хорошо. Он сам многого не скрывал, да и большая часть его жизни проходила на виду у множества женщин, которых он любил, не говоря уже о друзьях, знакомых и просто поклонниках его великого таланта романиста.

Среди биографов писателя принято считать: свою первую любовную победу Александр Дюма одержал еще в провинции, в Вилле-Коттре, когда ему исполнилось пятнадцать лет. Тогда он соблазнил девятнадцатилетнюю модистку Аглаю Телье. Якобы Аглая даже была уже замужем, и юному донжуану ловко удалось сохранить добрые отношения не только с ней, но и с ее мужем. Надо полагать, как часто это случается, обманутый муж обо всем узнал последним. Но возможно, вообще не узнал ничего.

По некоторым не вполне точным сведениям, Аглая даже забеременела, но о ее дальнейшей судьбе известно мало, как и о судьбе ребенка. Дюма в этот период уже был увлечен другой, тоже замужней женщиной, которая буквально сводила его с ума своей красотой и загадкой – все вокруг считали, что спустя год после свадьбы она по-прежнему сохраняет девственность.

– Я полон решимости пронзить ее своей шпагой! – хвастливо писал одному из приятелей молодой Александр. – Необходимо исследовать этот предмет поглубже!

Кто эта женщина, нам неизвестно. Ее звали Люси – это все, что удалось выяснить о ней биографам писателя. Скорее всего, он добился желаемого, однако длительных любовных отношений не последовало: Дюма отважно отправился в столицу, покорять Париж!

Конечно, у его отца имелись высокие связи в столице, но никто не собирался дать сразу все молодому повесе и донжуану из провинции. На первых порах Дюма пришлось жить довольно скромно и довольствоваться должностью мелкого письмоводителя. Правда, при канцелярии очень большого вельможи. Однако нам куда интереснее другое!

Совершенно точно известно: поздним вечером 20 октября 1823 г. Александр постучался в двери юной соседки, жившей напротив него, намереваясь попросить огня для свечи. Вдохновение часто приходило к нему по ночам, и он упорно занимался литературным трудом, веря в свою счастливую звезду и будущий большой успех.

– Дай мне огня, Лора! – попросил будущий великий романист.

Лора Лабе – так звали юную соседку – дала ему больше: она отдала Александру себя, и он вышел от нее только утром 21 октября 1823 г.

Почему вдруг такое пристальное внимание к этим датам? Потому что позднее Лабе сделала Дюма и всему миру неоценимый подарок – 27 июля 1824 г. Лора родила сына, которого в честь отца и деда называли Александром. Александром Дюма-младшим.

– Он должен превзойти меня! – ликовал Дюма-старший.

И сын не обманул его надежд: он написал бессмертную «Даму с камелиями».

Впрочем, отец уделял не слишком много внимания сыну и его матери, на которой так никогда и не женился, – его привлекала литературная слава, которой он во что бы то ни стало решил достичь, и конечно же по-прежнему увлекала охота за женщинами!

Салон привидения

В Париже существовал известный литературный и светский салон мадам Мелани Вальдор, которую другой великий французский писатель, Виктор Гюго, метко окрестил Привидением, – Мелани обладала почти не слышной походкой и была худощавой брюнеткой. Конечно же прозвище дали в шутку и любя, но оно тут же буквально «прилипло» к мадам.

Естественно, Вальдор была замужней женщиной и старше Александра Дюма на шесть лет. Он был представлен ей знакомыми, и она стала его наставницей в парижском свете и литературных кругах. А двери ее спальни Дюма открыл сам: он был молод, ненасытен и напорист в любви. Мадам Мелани не сумела устоять перед его очарованием, и они пережили очень бурный, полный сумасбродных страстей роман, о котором оба вспоминали до конца дней. Но, вероятно, по-разному, поскольку ветреник Александр, еще не успев испытать оглушительный успех своей первой, «на ура» принятой публикой пьесы «Генрих III и его двор», оставил мадам Мелани.

Охотник подстрелил дичь – салон Привидения открыл перед ним широкую дорогу, и Дюма пустился в бешеные любовные авантюры за кулисами театра, где молоденькие и смазливые артистки буквально вешались ему на шею гроздьями, и он с упоением отдавался им, одерживая одну легкую победу за другой. Они кружили его молодую курчавую голову и будоражили кровь.

По мнению ряда биографов романиста, список его побед в этот период способен поразить воображение и конечно же далеко не полон: трудно уследить за всеми амурными похождениями прибывшего в столицу из провинции донжуана, жаждавшего славы, денег и любви всех красивых женщин. Неизвестно, чего он желал больше!

– Ах, все мои связи не имеют никакой моральной ценности, – сказал в этот период Дюма одному из близких знакомых. – Я быстро увлекаюсь и столь же быстро остываю.

– Интересно, чем все это закончится? – вопрошали его знакомые, с любопытством наблюдавшие за любовными приключениями Александра.

– Славой, друзья мои, славой! – отвечал им Дюма.

Он никогда не страдал скромностью. Литература, драматургия и женщины – вот его всепоглощающие страсти.

И тут на его жизненном пути появилась сводившая всех с ума, обладавшая гривой черных, как вороново крыло, пышных волос и такими же, как у самого Александра, похожими на драгоценные сапфиры голубыми глазами актриса Белль Крейсамнер. Она казалась божеством, спустившимся на землю, и Дюма потерял покой.

По мнению биографов писателя, именно очаровательная Белль Крейсамнер, выступавшая под сценическим псевдонимом Мелани Серр, и стала серьезной и роковой соперницей до того владевшей сердцем молодого литературного донжуана Мелани Вальдор.

«Я бросаю матерей, но не детей!»

Белль серьезно взяла в свои маленькие, но крепкие руки Дюма, и он проводил долгие часы в ее постели, забыв об остальных увлечениях. Естественно, столь пылкая и долгая – для Дюма! – любовная связь не могла остаться без последствий. Вскоре Крейсамнер подарила писателю дочь, которую назвали Мари.

– Бог мой! – в отчаянии схватился за голову отец. – Что мне теперь делать? Жениться я не желаю, но не могу бросить ребенка. Я вообще всегда бросаю только матерей, но не детей!

Биографы полагают: Белль страстно желала сделать то, что не удалось до нее сделать Лоре Лабе, родившей Дюма сына, – выйти за Александра замуж! Но она тоже сурово просчиталась, ее чаяниям не суждено было сбыться. Дюма боялся венца, как черт ладана! Он жаждал полной свободы, чтобы на воле продолжать охоту за женщинами, прекрасными и соблазнительными, и писать, писать, писать!

Однако предусмотрительная госпожа Судьба потихоньку подготовила для донжуана новый сюрприз. И этим сюрпризом стала для неутомимого любовника и плодовитого автора красивая актриса Ида Ферье. Роскошные плечи, выразительные глаза под тонкими бровями, изящные руки – все это очень привлекало и страшно нравилось Дюма. Но самое главное, Ида без всякого жеманства и кокетства, без лишних слов и клятв занялась воспитанием дочери писателя Мари, которую родила Белль, и фактически стала ее второй матерью.

– Господи, ну как мне теперь от нее отвязаться? – однажды в сердцах сказал романист одному из своих друзей о преданной Иде.

– Тебе виднее, – ехидно заметил приятель, – с твоим-то опытом любовника – и не найти выхода?

– А что? – неожиданно заявил Дюма. – Пожалуй, я на ней женюсь! Это и станет самым лучшим способом от нее отвязаться!

Ида Ферье стала той единственной женщиной, которая смогла назвать себя женой великого романиста. Дюма действительно сочетался с ней законным браком. Мало того, Ида осталась единственной супругой Александра на протяжении всей его жизни!

Любил ли он Иду? Наверное, все же любил, иначе не повел бы ее к венцу. Биографы не раз отмечали, что единственной постоянной любовью Александра Дюма являлись его дети и он всегда оставался заботливым отцом. Видимо, сюда же нужно отнести и Ферье, ставшую мадам Дюма. Она была умной, красивой женщиной и наверняка прекрасно понимала, за кого выходит замуж.

Тем временем Дюма не только писал, но активно продолжал свою упоительную охоту, находя все новых и новых любовниц, безжалостно заставляя жен изменять мужьям, а возлюбленных – возлюбленным. Он жаждал все новых и новых побед!

Говорили, что ежемесячно у Дюма появлялось не менее двадцати новых любовниц и каждое утро он писал минимум шесть или восемь любовных писем – тогда не существовало ни телефонов, ни компьютерной почты. Приходилось соблазнять женщин с помощью пера, и это блестяще удавалось Александру.

Популярная, обожаемая публикой, блистательная и очень красивая актриса Мари Дорваль порвала со своим давним другом и любовником поэтом Альфредом де Виньи ради Дюма, который потом сам вскоре изменил ей.

– Лучше умереть, чем быть твоей любовницей! – написала ему актриса. Но не умерла.

Биографы приводят такие громкие в то время имена прекрасных женщин, даривших Дюма своей любовью, как Ясента Менье, Эжени Соваж, Виржини Бурбье и многие другие. Всем им литературный донжуан и великий любовник дарил в ответ незабываемые наслажде-

ния и всех их неизменно оставлял в слезах, не прощаясь, уходя к новой прекрасной любви.

Хочу быть пьян твоей любовью

Дюма неустанно жаждал плотских утех и стремился их получить – его опьянял даже запах женщин и гнала к новым любовным авантюрам неутоленная страсть охотника за красавицами. Однако неутомимый искатель любовных забав постепенно старел.

Тогда он сам изобрел средство омоложения и борьбы с надвигающейся старостью – его любовницы с каждым годом становились все моложе.

– Я молодость твою делю с тобою! – вслед за великим Шекспиром мог бы воскликнуть великий романист.

Однажды дошло даже до того, что писатель сделал своей возлюбленной пятнадцатилетнюю Изабель Констан. К несчастью, юная любовница признанного литературного мэтра страдала чахоткой. Но Дюма от нее не заразился, хотя такая опасность реально существовала.

Две другие любовницы сопровождали мэтра в его путешествиях. Адмирал Эмили Кордье, получившая это прозвище за похожий на морской мужской костюм, бесстрашно отправилась вместе с Дюма в его странствия по Востоку и стойко делила с ним все тяготы дороги, радость новых впечатлений и конечно же постель. С другой любовницей – пышной блондинкой Мари Гарнье – писатель ездил из Неаполя в Марсель и остался этой поездкой весьма доволен.

Но конечно же все эти «девочки» ненадолго задержались около неутомимого, уже пожилого писателя, продолжавшего, как в юности, погоню за недостижимым женским идеалом.

Иногда старик Дюма – да, его уже стали называть стариком! – изрядно шокировал общество: в 1867 г. он завел роман с американской наездницей Адой Менкен.

Конечно же американка была молода, и злые языки твердили:

– Если у Дюма уже не хватает пороку удивить нас своим талантом и новыми литературными шедеврами, то он предпочитает напоминать о себе скандальными выходками с женщинами!

И писатель словно нарочно старался подтвердить это. По воспоминаниям его близкой знакомой Матильды Шоу, она однажды застала его в доме на бульваре Мальзерб сидящим в кресле в обществе трех совершенно обнаженных молодых девиц – одна села мэтру на плечи, другая устроилась у него на коленях, а третья клубочком свернулась у ног, словно кошка. Увиденное потрясло Шоу, но Дюма вел себя так, словно абсолютно ничего из ряда вон выходящего не происходило.

По мнению биографов романиста, его последней любовницей стала бывшая работница почтового ведомства Сатюрин, служившая у мэтра секретаршей. Он немало шокировал обывателей городка Роскоф, где незадолго до кончины провел лето, своей любовной связью с этой молодой особой.

– Полагаю, что по всему свету у меня не менее пяти сотен детей, а то и побольше, – на самом склоне лет не без хвастовства заявил Дюма.

О данном эпизоде впоследствии писала Матильда Шоу, которой сам мэтр и говорил об этом. Впрочем, биографам известно всего пять потомков романиста, из которых он только двоих признал официально – сына Александра, автора знаменитой «Дамы с камелиями», и дочь Мари, которая стала художницей.

Трех других Дюма не признавал. Среди них дочь Микаэла, которую родила Эмили Кордье, прозванная Адмиралом, Анри Бауэр, о матери которого ничего не известно, и еще одна дочь, по некоторым сведениям жившая в Америке и ставшая актрисой. Судьбы девочек неизвестны. Как говорили, Анри Бауэр был удивительно похож на отца, учился в универ-

ситете, а затем стал участником Парижской коммуны, за что его потом сослали на острова Новой Каледонии.

Исследователи творчества Дюма полагают, что в наше время потомков Дюма не осталось. Известно, что в 1972 году в больнице Сен-Жермен-Ан-Лэ скончался последний из рода Дюма – его праправнук Серж Липман.

Возможно, его предок слишком много, часто и удачливо охотился на женщин, и в конце концов это изрядно надоело госпоже Судьбе?..

Крибле, крабле... бумс!

С уверенностью можно сказать, что большинству людей в мире известно имя автора прекрасных и поэтичных сказок – Ганса Христиана Андерсена. Он оставил нам в наследство более полутора сотен удивительных по силе фантазии произведений – тонких, пронизанных добротой и непоколебимой верой в счастливую звезду. Однако что мы знаем о личной жизни самого великого фантазера, доставляющего радость уже многим поколениям малышей своей Снежной Королевой, приключениями Дюймовочки и примерами небывалой стойкости Оловянного Солдатика?

Рассказывают, Андерсен был удивительно честолобив и ужасно суеверен. И это сущая правда. Говорят еще, что он много путешествовал по свету. И это тоже верно – Ганс Христиан побывал в Испании и Северной Америке, в Португалии и на Балканах, он осматривал развалины древних римских храмов и остатки величественных сооружений Парфенона. И повсюду любил обращаться к гадалкам, которые неизменно предрекали ему известность, успех и немеркнущую славу. Это тоже чистая правда, но ни одна из них ни словом не обмолвилась... о любви!

Да, еще ходили упорные слухи, что Андерсен вел беспутную жизнь, быстро сменяя одно увлечение другим. Однако это ложь – человек беспутной жизни вряд ли когда-нибудь напишет такие хрустально звенящие добром и чистой любовью сказки и истории. Правда в том, что великий писатель умер... девственником!

Неужели в его жизни никогда не случалось увлечений и любви? Почему же, не раз случалось, и с полным правом, несмотря ни на что, мы вполне можем называть Ганса Христиана Андерсена Великим Любовником, поскольку он искренне любил, и его любовь была неизмеримо велика...

«Мышиная свадьба»

Снедаемый честолюбивыми замыслами и тягой посмотреть огромный мир, будущий великий сказочник покинул свой родной город в четырнадцать лет. В Одене он жил вдвоем с матерью, и хотя особого достатка в семье не наблюдалось, Ганс все же отыскал монетку для местной гадалки.

– Ну, – раскинув карты, сказала та юному Андерсену, – быть тебе, парень, мировой знаменитостью, не иначе!

– Правда? – с замирающим сердцем переспросил Ганс Христиан.

– А как же, – ответила гадалка и, понизив голос, продолжила: – Поверь, однажды наступит день, когда здесь, в Одене, в твою честь зажгут иллюминацию, и все жители выйдут приветствовать тебя, как короля!

Поверить в такое Гансу было очень трудно, но зато ужасно хотелось. Впрочем, пророчество безвестной гадалки совершенно точно сбылось: Ганс был встречен жителями родного Одена шестого сентября 1869 г. яркой иллюминацией и большим, веселым праздником как... король сказок и историй!

Конечно, стоит прямо и откровенно сказать: свой путь в жизни Андерсен отыскал далеко не сразу, но потом выяснилось, что у него весьма бойкое перо, – писал он быстро, интересно, и необычайные фантастические видения просто переполняли его голову. Считается, что такие люди удивительно изобретательны в любви.

Вот как раз в любви Великому Мастеру, который тогда еще только становился великим, почему-то никак не везло. Отчего? Неразрешимая загадка: его увлечения неизменно оставались чисто платоническими, но далеко не всегда по его вине. Ни одна из женщин, на которых он обратил свое внимание, не смогла подарить ему счастья любви. Боже, но ведь его произведениями восхищался весь мир! И во всем мире не нашлось ни одной умной и любящей женщины, способной подарить Гансу тепло любви и семейного очага. И это при том, что он был очень милым, добрым, скромным и хорошо воспитанным человеком.

Одним из первых сильных любовных увлечений в жизни Андерсена стала девушка по имени Луиза Коллин. К сожалению, о ней и ее семье известно очень мало. Они тогда были еще очень молоды. Ганс Христиан совсем не думал о мировой славе и признании. Он был просто высоким молодым человеком – даже немного долговязым и слегка нескладным. Но понимающие люди заметили в нем талант, большой талант.

Луиза стала первой страстью Ганса Христиана: ее образ навязчиво преследовал его повсюду. Молодой человек буквально сгорал от вожделения и часто совершенно не мог думать больше ни о чем, кроме как о прелестях красотки Коллин. Возможно, кто-то скажет:

– Какая же она красotka? Так, ничего особенного...

Но для влюбленного молодого сказочника прекраснее ее не было никого на всем свете. Он робко ухаживал за девушкой, и она, казалось, вполне благосклонно принимала знаки его внимания. Наконец Андерсен осмелился признаться Луизе в любви и просил ее стать его женой:

– Составьте, сударыня, счастье моей жизни, – говорил он, с обожанием глядя в ее глаза. – Я стану вам верным, примерным мужем и добропорядочным отцом семейства.

– Что? – удивленно подняла брови Луиза. – Замуж, за вас? Нет, никогда!

– Но почему? – вскричал несчастный писатель, почувствовавший боль, словно ему внезапно острой шпагой пронзили сердце.

Коллин не удостоила его ответом. Видимо, сама мысль о том, что придется всю жизнь провести рядом с человеком, который постоянно витает в мире иллюзий, приводила ее в

ужас. А еще говорят, юные девушки умны и романтичны! Какое там, куда чаще они расчетливы, словно прожженные ростовщики, и начисто лишены всяческих розовых иллюзий.

Андерсен страдал и решил отомстить жестокосердной красавице, отвергшей его пылкую любовь. Но, скажите на милость, как мог отомстить сказочник? Конечно, только сказкой или историей. И он это сделал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.